

НАТАЛЬЯ БЛУДИЛИНА

“ВСЕ НЕИЗРЕЧЕННЫЕ МИРЫ ГОВОРЯТ ВО МНЕ...”

Космос русского духа в метафизической поэзии Э. В. Балашова

*И смертный может видеть за время своё,
Простор ему боги кажут...*

Ф. Гёльдерлин. “Руссо”

Великий философ XX века Мартин Хайдеггер во введении к своей книге “Что такое метафизика” поэтически-философски вопрошал: “... в какой почве находят свою опору корни древа философии? Из какой основы получают эти корни и через них всё древо питательные соки и силы? Какой стихией оплетены потаённые в основе и почве, несущие и питающие корни дерева? В чём покоится и чем движется метафизика? Что есть метафизика, глядя в её основания? Что вообще такое метафизика в своей основе?”¹

В своих философских трудах Хайдеггер не раз обращался для подтверждения своих высоких умозаключений к поэзии Ф. Гёльдерлина, Р. М. Рильке, Ш. Георге, ибо он был убеждён и утверждал, что подлинная трансценденция является в поэзии избранных певцов (для него это указанные выше), призванных “петь в скудный наш век”, “время мира”, определённого “зиянием бога”, ибо для него, философа, “поэты – те из смертных, что... чуют след ушедших богов, идут по их следу и так прокладывают остальным смертным путь к обращению”².

Правомочно “вопрошание” немецкого философа о почве и корнях “древа философии” соотнести с метафизической поэзией нашего современного поэта-любомудра Э. В. Балашова³, на просторах которой дано глубинное понимание космоса русского духа, его почва, корни и древо. Представим высокий диалог немецкой философии и русской поэзии в едином духовном пространстве и времени, хотя линейно будет звучать переключка голосов из века XX в XXI век.

Обратимся к основе. Философия есть грамматика истинной поэзии, метафизика – корень древа философии, значит, она лежит и в основании поэзии.

По Хайдеггеру, метафизика мыслит сущее как сущее, в поле её зрения стоит сущее как таковое. Метафизическое представление обязано этим зрением свету бытия⁴.

Поэтический взор Балашова тоже обращён к сущему, и его поэтическое зрение открывает свет бытия:

*Свободный ветер света
Из солнечной страны.
В широком шуме ветра
Зелёный шум весны.*

*Трава, деревья, люди,
Надежды и мечты —
И всё о том: что будет?
И всё о том: кто ты?*

*“Кто ты?” — ликуют ветки.
“Кто ты?” — поют цветы.
В широком шуме ветра:
“Кто ты? Кто ты? Кто ты?”⁵*

В своём самопознании “поэт – вопрошающий вечность ребёнок”, его явление на свет “занесено солнечным пером”, он является в мир и как проводник высших энергий природы, и как её “космическая мысль”, вечный логос истины бытия:

*Все произнесённые слова
Всё ещё звучат.
Шелестит былинная трава.
Дом скрипит у врат.
Светят первобытные костры
В пролетевшей тьме.
Все неизречённые миры
Говорят во мне.*

*Вот и я на свет произнесён
Матерью-Отцом.
В книгу Бытия был занесён
Солнечным пером.
А когда настал молчанья срок,
Одолел я тлен
И пронёсся тенью между строк
Книги перемен.*

*Все неизречённые миры
Говорят во мне.
Светят первобытные костры
В пролетевшей тьме.
Шелестит былинная трава.
Дом скрипит у врат.
Все произнесённые слова
Всё ещё звучат⁶.*

Метафизика, по слову Канта в “Критике чистого разума”, принадлежит к природе человека, и то же утверждает русский поэт Балашов: “Человек не царь природы, а проводник высших её энергий, её космическая мысль, её вдохновитель и всё же её неотъемлемая часть. Одухотворяя природу и одухотворяясь свыше, общаясь к неведомым и невидимым вдохновителям, совершенствуется человек”⁷.

Хайдеггер писал, что “свет, то есть то, что воспринимается этой мыслью как свет, сам уже не входит в поле зрения этой мысли, ибо она представляет сущее постоянно и исключительно в аспекте сущего”⁸. В этом же “аспекте” парит и метафизическая мысль поэта, “соперничая” с философией: “Ты ловишь мысль, и мысль твоё вниманье ловит, // Поймавший мысль, ты мысли этой пленник”⁹. Он также вопрошает и об аспекте сущего, и о создателе света:

*Кто увёл цветы из сада?
Кто им распахнул калитку?
Ты ль, невидимо смотрящий?*

*Кто увёл зверей из леса?
Кто им отворил тропинку?
Ты ль, безмолвно говорящий?*

*Кто увёл людей из ночи?
Кто вручил сердцам их очи?
Ты ли, свет руководящий?*

“Кто?”¹⁰

Этот таинственный “создатель света” в других стихах Балашова является читателю достаточно прояснённым, ибо он и даёт подлинную зоркость в постижении истины бытия поэтическому зрению, обозревающему сущее:

*Кто учил деревья к свету вырастать?
Как умеют травы к небесам тянуться?
Мощь нашёл подсолнух
за солнцем не устать.
Неужели нам от тьмы не отвернуться?*

*Жертвенная чаша ищет новых уст.
Мир припал к реке, текущей в сон былого.
Не иссяк источник, но любовью пуст
Человек, уставший на пороге Слова.*

*Кто готов свои отринуть имена?
“Прочь! — вопят. — В огне мы
не отыщем броду!”
В каждом сердце — крест,
и все мы — пламенá,
Божью напоившие природу.
“Пламенá”¹¹*

Как только не брались истолковывать сущее в истории философии: как дух (спиритуализм), как материю (материализм), как становление и жизнь (экзистенциализм), как волю и представление (Шопенгауэр), как субстанцию, как субъект и т. д. Поэт подлинно чувствует сущее и передаёт в стихах как энергию (“пламенá”), как вечное возвращение одного и того же. Всякий раз сущее как сущее является в его поэзии в свете подлинности бытия: “Надо мною небо, // Полное огня” (“Нелепо”¹²); вопреки внешним брутальным “личинам” (“Боже, как нелепо: // Травля и грызня!”¹³) и поверхности жизни, и грешного, ибо земного, человека:

*Мерцает свет на каждом дне,
На каждом часе состраданья.
Барахтаюсь на самом дне
Великой чаши мирозданья.
...
Я сплю. В агонии. В огне.
И Божья кровь болит во мне
И мучит жаждой покаянья.
“Мерцающий свет”¹⁴*

Повсюду, когда метафизика представляет сущее, утверждал Хайдеггер, бытие уже высветилось: “Бытие в некоей непотаённости пришло. Принесит ли бытие, как оно с собой приносит такую непотаённость, открывает ли, как Оно открывает себя в метафизике и в качестве метафизики, остаётся скрытым. Бытие в своём высвечивающем существе, то есть в своей истине, не проду-

мывается”.¹⁵ Но метафизическая поэзия Балашова в своих ответах на этот вопрос о “сущем как таковом” отважно говорит из “незамеченной” философией открытости бытия:

*Прийти на эту землю.
Закутаться во тьму.
...
Но к часу тьму отринуть,
И в мысль, и в чувство впасть,
...
Явиться, удивиться,
Как свет узревший, крот:
Куда-то чувство длиться,
Куда-то мысль течёт!*

*И на стезях искусства
Понять, что даль и высь —
Одно Господне чувство,
Одна Господня мысль!
“Господня мысль”¹⁶*

Эту открытую поэтом истину бытия можно называть подлинной почвой, на которой держится поэтическая метафизика как корень дерева философии (грамматики поэзии), от которого она питается. Вспомним слова Хайдеггера: “Дерево философии вырастает из корневой почвы метафизики”.¹⁷

Поэтическая метафизика Балашова всегда в своей основе остаётся “при сущем”, и как “корень дерева”, она посылает все соки и силы в ствол и ветви его поэзии, где в образах “исследуется” сущее как сущее, в форме стихов она “обращается” разными ликами многосложного, но единого в своей сути бытия. Так её “корень” разветвляется в основе и в почве, чтобы “дерево” ради своего роста могло из него подняться и тем самым как бы его оставить. Эта поэтическая “непотаённость” бытия, до которой должен дорасти “философствующий” разум, гениально проста для “сердечного” ока поэта, болеющего за мир:

*Всё просто. Бог во всём.
Не магия чудес —
А сотканным трудом
Невиданный венец.*

*Минуя чёрный ход
Над сном могильных плит,
Пусть разум доращёт,
Пусть сердце доболит
До огненных высот,
До пламенных молитв.*

*Среди крошечных гроз
Сверкает: “Аз воздам!”
Всё просто. И Христос
Мыл ноги рыбакам.
“Аз воздам”¹⁸.*

Вот и нашлась искомая нами подлинная стихия — “основа и почва”, — в которой живет “корень дерева” — поэтическая метафизика, которая является как землетрясение, гром грозы, пылающая лава или другие ипостаси стихии бытия:

*Во мне земля трясётся.
Гроза во мне гремит.
Мой дух вельнем Солнца
Возносится в зенит.*

*В страдании великом
И в радостном огне
Господь, сверкая ликом,
Во мне идёт ко мне.*

*По радуге экстаза,
По непокою туч
Всевидающего часа
Во мне гуляет луч.*

*Пылит во мне дорога
Пылающей золой.
И сердце видит Бога,
Кипящего Землёй.*

*Серебряная лава
Казнить меня течёт.
Божественная слава
Мой ослепляет рот.
“Слава”¹⁹*

В этих стихах явлен космос русского духа, его сущностные начала: почва, корни, дерево. Стихия “почвы” тоже не есть стихия без того, чтобы её не оплетал и “корень”: “Господь, сверкая ликом, // Во мне идёт ко мне”. Но и тогда, когда “корень” по-своему отдаётся стихии “почвы”, он всё равно ещё принадлежит “дереву”: “И сердце видит Бога, // Кипящего землёй”. Он растрчивает её стихию и сам себя на это последнее: “Серебряная лава // Казнить меня течёт”. Его существом было лишь прорасти навстречу этой стихии и в ней расширяться: “Мой дух велением солнца // Возносится в зенит”.

Встаёт другой важный вопрос: с возрастом “дерево” в состоянии ли так вобрать в себя “корневую почву”, чтобы она как нечто “древесное” исчезла в нём? Хайдеггер отвечает: “... никогда не в состоянии... Скорее наоборот, корни вплоть до мельчайших волокон теряются в почве. Почва есть основа для корня; в ней он забывает себя и пользу дерева”²⁰. Послушаем, что скажет русский поэт, который понимает “возрастание дерева” как путь во времени и бытии: “Настоящее — не итог, а виток спирали, возвращение к началу, сделавшему шаг к себе навстречу, не оглядка на минувшее, а движение по ступеням, когда пройденное не остаётся брошенным позади, а берётся с собой. Это и есть твоё имущество, есть ты, всякий раз иной, себя себе открывающий, обретающий себя в пути... Все пути ведут к единой вершине, к единому непроизносимому Слову. Но слово в нас разобцено, разделено нашими мнениями и сомнениями, от которых мы не спешим избавиться и которые боимся потерять. А что внутри, то и снаружи”²¹. От непришествия или неявления истины бытия (Бога) в сознании людей почва корня сущего “тонет”, а дерево порублено:

*И сказали: нету Бога.
Развернулись — вкривь и вкось.
От порога до порока —
Вся дорога на авось.
А с небес призрело око:
Не начать ли всё с азов?
Нет ли ищущего Бога
Средь порубленных лесов?
Средь затопленных водами
Небом вскормленных лугов?
Средь запуганных ворами
Прокажённых городов?
Вон один — бредёт по лесу,
По беспомощным водам,
По калёному железу,*

*По кладбищам-городам.
Он несёт в своей деснице
Книгу — Истины залог, —
Отворённой на странице:
“Азъ есмь Сын” и “Азъ есмь Бог”.
“Один”²²*

Один из знаменитых парадоксов Хайдеггера является читателю, когда в разворачивании вопроса об истине бытия говорится: “Метафизика остаётся Первым философии. Первого мысли она не достигает. Метафизика в мысли об истине бытия преодолена. Претензия метафизики овладеть ведущим отношением к “бытию” и законодательно определить всякое отношение к сущему как таковому рушится. <...> отношение бытия к человеку из самого существа этого отношения явило свет, который приведёт человека к принадлежности бытию. ... Между тем от метафизики на протяжении её истории от Анаксимандра до Ницше истина бытия остаётся скрытой. Почему метафизика не думает о ней?”²³.

Далее философ утверждает, что метафизика — “двояко-единым образом истина сущего в его всеобщем и в его высшем”, поэтому по своему существу одновременно онтология в более тесном смысле и теология: “Это онто-теологическое существо собственно философии... основано на том способе, каким для неё выходит к открытости сущее... теологический характер онтологии... сущее как сущее вышло из потаённости...”²⁴ Немецкий гений мысли, остановленный в её беге иррациональной тайной жизни, вопрошает: “Что всё-таки загадочнее: то, что сущее есть, или то, что бытие есть? Или и через осмысление этого мы тоже ещё не достигаем близости к загадке, какою стало событие бытия сущего?”,²⁵ с самоиронией ранее вспоминает первое послание апостола Павла к Коринфянам: “Бог не заставил стать глупостью мудрость мира?” (1 Кор. 1, 20).

Мысль сердца русского поэта Балашова об истине бытия русского космоса “образно” вскапывает землю у сохнущего метафизического основания “корня” философии и разрыхляет почву её “корню” и “древу”, дабы оросить и оплодотворить его живыми соками жизни (без них и при “зиянии Бога” “древу” теории философии засыхает и опрокидывается в Ничто), чтобы поэтическое “дерево” мысли о сущем вечно зеленело, “омываемое сияньем”, в новых рожденьях:

*Господи, вот она — эта планета!
Ты ей небесную дверь отворил.
Ты на Голгофе улыбкою света
Толпы распявших Тебя усмирил.*

*Неутихающим ветром страданья
Все безглагольные земли объял.
И обещаьем второго свиданья
“Мертвым во гробе живот даровал”.*

*И на просторы российского полдня
Вновь путеводная вышла звезда —
Непреходящая слава Господня,
Незаходящее имя Христа.*

“Имя Христа”²⁶

Диалог “сумрачного немецкого гения” и русского жаждущего духа в истории русской культуры всегда был значим, и уже третье столетие он длится во времени и бытии, его причудливые пути в вечном поиске ведут к одной горней высоте единого неизреченного Слова:

*Светом залита дорога.
Всюду свет, и свет, и свет.
— Господи, Ты где?
...Далёко,
Где ни тьмы, ни света нет!²⁷*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Хайдеггер М. Введение к кн. “Что такое метафизика” // Время и бытие: статьи и выступления. М., Республика, 1993. С. 27.
- ² Хайдеггер М. Петь – для чего? // Рильке Р. М. Прикосновение: Сонеты к Орфею: Из поздних стихотворений. М., Текст, 2003. С. 181–182.
- ³ Балашов Эдуард Владимирович, родился 25 июня 1938 года, известный русский поэт, профессор Литературного института им. А. М. Горького. Автор многих поэтических книг: Око: Миниатюры. М., Советский писатель, 1992. 320 с.; Ноша. М., ИНФРА-М, 1996. 224 с.; Пловец. М., МГО СП России, 1997. 159 с.; Цветы сновидений. М., 2006; Алатырь. М., Молодая гвардия, 2011. Лауреат многих литературных премий.
- ⁴ Хайдеггер М. Введение к кн. “Что такое метафизика” // Время и бытие: статьи и выступления. М., Республика, 1993. (Далее: Указ. соч.) С. 27.
- ⁵ Балашов Э. В. Алатырь. М., Молодая гвардия, 2011. (Далее: Указ. соч.) С. 12.
- ⁶ Балашов Э. В. Указ. соч. С. 6, 11.
- ⁷ Там же. С. 6.
- ⁸ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 27.
- ⁹ Балашов Э. В. Указ. соч. С. 6.
- ¹⁰ Там же. С. 44.
- ¹¹ Там же. С. 46.
- ¹² Там же. С. 94.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 98.
- ¹⁵ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁶ Балашов Э. В. Указ. соч. С. 51.
- ¹⁷ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁸ Балашов Э. В. Указ. соч. С. 87.
- ¹⁹ Там же. С. 86.
- ²⁰ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 28
- ²¹ Балашов Э. В. Указ. соч. С. 5.
- ²² Там же. С. 84.
- ²³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 28, 29.
- ²⁴ Там же. С. 34, 36.
- ²⁵ Там же. С. 84.
- ²⁶ Балашов Э. В. Указ. соч. С. 91.
- ²⁷ Там же. С. 92.